

Александр Левковец

РЕАЛЬНОСТЬ

Александр Левковец

Реальность

«Издательские решения»

Левковец А.

Реальность / А. Левковец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969010-4

Мы привыкли видеть окружающий мир таким, каким он знаком нам давным-давно. В нём чёрное это чёрное, а белое это белое. Но действительно ли реальность может быть только той, какой мы её считаем? Рассказы, собранные в этой книге — это не сказка и даже, наверное, не фантастика. Это реальность. Ведь какой она будет — каждый решает для себя сам.

ISBN 978-5-44-969010-4

© Левковец А.
© Издательские решения

Содержание

Бунтарь	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Реальность

Александр Левковец

Благодарю своих родителей и всех первых читателей, критиков и, возможно, даже немного соавторов этой книги.

Дизайнер обложки Ольга Третьякова

© Александр Левковец, 2019

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-9010-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бунтарь

Было ещё светло, но приближение заката уже ощущалось. Стало пасмурно, а ветер из легкого и едва заметного превратился в холодный, от которого то и дело хотелось поёжиться или надеть что-нибудь потеплее.

Мы с товарищами находились на трибунах уже минут десять. Люди вокруг довольно оживлённо общались, но я с удивлением отметил, что разговоры шли в основном на отвлечённые темы. От горячего обсуждения причины сегодняшнего собрания, которое так активно велось на подходах к площади, не осталось и следа. Такое чувство, что горожане, собравшись все вместе, стеснялись вслух говорить о НЁМ и о его поступке.

Что касается ЕГО, то он стоял со связанными руками посреди небольшой арены лицом к полукруглому амфитеатру наподобие античных, на трибунах которого, собственно, все мы и находились. Чуть поодаль от молодого человека дежурили двое крепких парней – добровольцы, вызвавшиеся присматривать за ним во время собрания.

Готовящееся действие можно было бы назвать судом, хотя большинство присутствующих хотели скорее понять и вразумить молодого человека, чем выносить какой-то суровый приговор и придумывать наказание.

Его звали Дориан. Ему было двадцать четыре полных года, он пользовался заслуженным авторитетом среди горожан, как старших по возрасту, так и сверстников. Потому для подавляющего большинства наших земляков всё произошедшее стало шоком.

Дориан имел хорошее образование, был начитан и эрудирован, проявлял разносторонние интересы в тех или иных областях науки и общественной жизни. Наверное, это и сыграло решающую роль во всём случившемся: любознательность и повышенная восприимчивость ко всему новому привели его на тот путь, по которому он пришёл к этой площади и к этому суду земляков.

Два дня назад был раскрыт заговор. Как стало известно, группа молодых людей планировала с помощью оружия захватить несколько ключевых объектов нашего города: телеграф, почту и завод, на котором трудилась большая часть горожан. После этого они хотели объявить себя в качестве временного городского правительства и провозгласить новую форму общественно-экономического устройства: капитализм. Поговаривали, что у них были сообщники из соседних городов и сельских поселений, и что все они входили в большую революционную организацию. Но это были только слухи, а вот в заговоре в нашем городке никому сомневаться не приходилось: ещё бы, ведь человек, признавший себя его вдохновителем, стоял сейчас посреди площади для собраний.

Двое пособников мятежа успели сбежать из города, третий был ранен при задержании и находился в больнице, ну а четвёртый как раз таки и способствовал раскрытию этого заговора, в последний момент «сдав» своих сообщников. Конечно, участников заговора явно было больше, уж слишком масштабным он выглядел для пяти человек, но упрямый бунтарь не собирався называть имена своих соратников.

То, что «призрак капитализма бродит по Европе», как сказал один общественный деятель, все прекрасно знали. Этим радикальным идеям была подвержена в основном молодёжь, причём та её часть, которая не отличалась большими заслугами в общественной жизни и предпочитала революционные идеалы реалиям настоящего дня. И всё же наш городок традиционно был в стороне от общественных волнений, а уж тем более от таких радикальных идей. Насмешкой судьбы было то, что проповедником этой идеологии у нас явился человек, который, как многие считали, должен был стать выдающимся гражданином не только в рамках города, но и за его пределами, благодаря достижениям в тех или иных науках и общественной жизни.

Сейчас же он стоял связанным посреди главной городской площади, ожидая сурового порицания от тех, чьи надежды не оправдал.

Его родители тоже были в этот час на трибунах амфитеатра, я видел их сидящими несколькими рядами ниже справа от нас. По обеим сторонам от них никого не было на расстоянии пары метров. Такое чувство, что люди подсознательно избегали находиться слишком близко, давая этим несчастным побыть наедине со своими горестными мыслями.

Мать, худая женщина с впалыми глазами, заметно постаревшая за два прошедших дня, была сгорблена и смотрела всё время себе под ноги, не смея поднять взгляд на окружающих, в том числе на своего ребёнка. Её руки крепко сжимали большой платок, и видно было, что она в любой момент может разрыдаться. Отец сидел рядом, изредка поглядывая по сторонам и иногда ненадолго останавливая взгляд на сыне. В его глазах читались непонимание и горечь. Выглядел он уставшим и каким-то немного потерянным. У родителей Дориана, кстати, был ещё один сын, семнадцати лет, но его среди собравшихся я не заметил. Наверное, ему не хотелось видеть своего образцового прежде брата в столь унижительном положении.

На нижних центральных рядах амфитеатра по традиции сидели старейшие и наиболее авторитетные горожане. За свою жизнь они повидали многое, являясь свидетелями разных периодов в жизни города. Кто-то из них должен был начать собрание вступительным словом, тем более, назначенный час наступил, а трибуны были уже основательно заполнены людьми. Но видно, даже городским старейшинам было не просто поднять тему, шокировавшую и переполошившую их земляков, проживавших до того момента свою спокойную размеренную жизнь.

Наконец один из старейшин встал со своего места. Его звали Галим, он был высоким, сухопарым мужчиной, с короткими, но густыми седыми волосами, с обветренным и загорелым лицом. Повернувшись к трибунам и обведя собравшихся взглядом, он заговорил громко и размеренно:

– Дорогие земляки! Думаю, все вы прекрасно знаете, по какому поводу мы здесь сегодня собрались. Мы пришли, чтобы принять непростое, но, надеюсь, как всегда справедливое решение по поводу молодого человека, который находится за моей спиной. Все мы хорошо его знаем, его зовут Дориан, и до недавнего времени наш город по праву мог им гордиться.

В этот момент мать несчастного начала тихо вздрагивать от плача, закрыв лицо платком. Отец робко обнял её и тяжело вздохнул.

Галим продолжал:

– Все мы также прекрасно знаем, какие идеи вынашивал и к чему готовился вместе со своими сообщниками этот человек. Давайте же дадим ему слово, пускай он объяснит нам причину своего поступка и, возможно, убедит нас в том, что мы должны простить его.

После этих слов старейшина повернулся к стоящему посреди площади юноше и произнёс:

– Дориан, мы предоставляем тебе слово.

Высокий молодой человек с острыми чертами лица и тёмными густыми волосами ответил Галиму лишь гордым и вызывающим взглядом, которым затем обвёл и весь амфитеатр. Стоит отметить, держался Дориан с достоинством, даже если в этом и было что-то пафосное. Наконец он произнёс:

– Что вы хотите услышать от меня, земляки? Всё, что я делал, я делал на благо людей, на благо вас. Но скорее всего большинство не сможет меня сейчас понять, оно ещё не готово поверить в то, что наши идеи способны ожить, что мы сможем построить капиталистическое общество, в котором каждый получит то, что хочет, в котором всё будет по справедливости.

– Но постой, Дориан. О чём ты говоришь? Наше коммунистическое общество и есть высшая справедливость: от каждого по способностям, каждому по потребностям, – ответил на реплику молодого человека Галим.

– Это всё сказочки идеологов коммунизма и их слепых последователей! – выпалил Дориан, – Нас зомбируют из поколения в поколение, говорят, что коллективизм и взаимопомощь – это естественное поведение для человека. Но если разобраться, внимательно заглянуть в историю, а также в окружающий нас животный и растительный мир, то станет ясно, что любое живое существо – индивидуалист и собственник по своей натуре. Советую всем ознакомиться с книгой выдающегося ума нашего времени – Алексея Петровича Хлопоткина – «Индивидуализм и борьба за выживание как важнейшие факторы эволюции». После её прочтения вы поймёте, что каждый из нас имеет естественное право бороться за такой объём благ, который удовлетворяет его эго, что только в рыночной экономической борьбе люди будут понимать, за что тот или иной человек имеет то или иное благо. Кто больше заслужил, кто больше приложил усилий – тот больше и получает. Вот она справедливость!

На трибунах поднялся шквал возмущения. Один мужчина лет сорока, сидевший чуть правее нашей компании, вскочил со своего места и закричал:

– Это возмутительно! Идеи этого вашего Хлопоткина псевдонаучны, это знает каждый образованный человек! И никто его здесь читать не будет, его книги вредны и их распространение было резко осуждено собранием коммун нашей области!

– А ещё говорят, будто вы хотите сделать так, чтобы земля, здания, транспорт и другие вещи и объекты были поделены между людьми и принадлежали конкретным людям, а не обществу! Но это же абсурдно! Это противоестественно и никогда не приживётся! – выкрикнула несколькими ярусами ниже коренастая дама лет сорока пяти.

– Да, мы этого хотим! Это называется частной собственностью, – ответил Дориан, снова гордо подняв голову, – Все мы разные, у каждого из нас разные способности и возможности, разные амбиции и степень целеустремлённости. Так почему мы должны ютиться в рамках коммунистической уравниловки?! Именно капитализм позволит каждому иметь по его заслугам!

– Ну и кому же вы собираетесь наш завод отдавать в собственность? Или всему городу по кусочкам раздадите? – выкрикнула молодая женщина из соседнего сектора амфитеатра и захохотала вместе с сидящими рядом подругами.

Дориан был непоколебимо серьёзен. Видно было, насколько он верит в то, о чём говорит. С непроницаемым лицом молодой бунтарь продолжал гнуть свою линию.

– Зря смеётесь. Завод действительно будет разделён на «кусочки», но не на кирпичи и балки. Каждый работник получит специальную бумагу, так называемую акцию, которая будет обозначать, что он владеет заводом в определённой пропорции. Таким образом все, кто будут владеть акциями, будут хозяевами производства. Акции разных предприятий можно будет обмениваться или продавать и покупать их за деньги – специальные средства обмена, скорее всего в виде бумажных или металлических знаков.

– Да бред всё это! Тебя послушать, так сплошная бумага кругом! Завод – это столько-то бумажек, мастерская – столько-то, буханка хлеба – столько-то. Даже бумага – это столько-то другой бумаги, – сказал весёлый парень, поднявшийся на трибуне чуть выше нас.

По амфитеатру прокатилась волна смеха. Горожане и вправду считали идеи, выдвигаемые Дорианом, оторванными от реальности. Но он был непреклонен.

– С древних времён люди для удобства использовали средства обмена: камешки, ракушки, палочки, бусинки. Деньги явятся лишь логическим продолжением этих процессов, они универсальны и удобнее всего того, что было раньше.

На фоне очередной волны гогота и смеха, прокатившейся по амфитеатру, со своего места поднялся ещё один старейшина из первого ряда. Его звали Вагис, лицо его было испещрено множеством морщин, а седые волосы развивались на холодном ветру. Увидев, что старейшина встаёт, собравшиеся на трибунах притихли. Сам же он обратился к Дориану:

– Средства обмена действительно существовали. Но они устарели и потеряли смысл после того, как человечество пришло к коммунизму – высшей форме экономического разви-

тия, за которой уже ничего не может быть. Теория денег ошибочна, один из её ярых сторонников, этот Марл Каркс, давно уже подвержен серьёзной критике со стороны виднейших общественных деятелей нашего времени.

– Эй ты, умник! А как быть в этом твоём сказочном мире, если я, например, хочу себе чего-нибудь, а этих бумажек у меня не хватает, чтобы это приобрести? Мне что, забирать их у кого-то? Ты на что людей то хочешь толкнуть?! – выкрикнул дерзким голосом один парень с верхнего яруса трибун.

Дориан ответил всё также невозмутимо:

– Ты должен заработать их. Чем более сложную и ответственную работу ты выполняешь, тем больше денег получаешь. И, следовательно, больше благ можешь себе приобрести. В этом и есть высшая капиталистическая справедливость: кто более целеустремлён, кто готов больше трудиться и брать на себя большие обязательства, тот и получает больше благ. Разве справедливо, земляки, что и хирург, проводящий сложные операции и спасающий жизни людей, и разносчик хлеба, выполняющий монотонную работу день за днём, имеют в нашем теперешнем обществе права на один и тот же объём благ?! Нет стимула к развитию, нет понимания того, ради чего ты прикладываешь именно столько усилий и именно в этом деле. И я хочу это исправить, земляки, потому что такое положение дел себя изжило.

На трибунах снова поднялся гвалт возмущения речью Дориана. Однако от моего взора не укрылся один любопытный факт: некоторые из присутствующих погрузились в раздумья. Что уж тут скрывать, складно и проникновенно говорить этот парень умел!

– Будет и другой способ получить много денег и приобрести то, чего вы желаете, – продолжал свою речь Дориан, – Откроются специальные учреждения, в которых сконцентрируются большие суммы, и которые будут выдавать людям необходимый им объём денег в долг, а должники будут отдавать этот долг не сразу, а в течении длительного времени небольшими частями. Это позволит делать нужные приобретения без необходимости долгого накопления денег. Конечно, нужно будет вернуть такому учреждению немного больше той суммы, которую ты взял в долг, но это разумная плата за то, что ты воспользовался чужими ресурсами тогда, когда они тебе были необходимы. Это справедливо. Капиталистическое общество – это сплошная справедливость, там всё будет логично и понятно, там не будет современного псевдоравенства!

– А как же больницы будут работать, школы? Они что, тоже будут в чей-то собственности?! – недоумённо и как-то испуганно выкрикнула с трибун одна худощавая женщина.

Гул одобрения её вопроса пронёсся по амфитеатру. Дориан продолжал сохранять завидную решимость.

– У людей будет право создавать частные больницы, школы, детские сады и другие учреждения. Но, конечно, вопросы большой социальной значимости придётся решать централизованно. Именно поэтому мы, капиталисты, поддерживаем идею государственного устройства и регулирования жизни общества посредством законов, обязательных для исполнения.

Дориан продолжил говорить, но после этой фразы его почти не было слышно из-за поднявшегося на трибунах шума, в котором слились вместе два основных компонента: недоумение и возмущение.

– Только государство, основанное на воле народа, – надрывался неугомонный бунтарь, – способно максимально эффективно решать общественно значимые вопросы, только оно может занять объективную позицию, не раздираемое противоречиями между отдельными членами социума.

С места вновь поднялся Галим, начинавший это собрание, и жестами рук призвал людей на трибунах успокоиться. Затем он повернулся к возмутителю спокойствия и сказал:

– Дориан, ну что же ты такое говоришь? Ведь государство – это примитивная форма человеческого общества, существовавшая в древности. Она показала свою неэффективность.

Государства воевали друг с другом, а их правители в большинстве своём стремились выжать максимум из своих подданных, мало заботясь о комфортности их жизни. Как раз таки о справедливости и об общем благе здесь никакой речи быть не может.

– Это старые примитивные государства, – возразил Дориан, – Мы же выступаем за государство, основанное на принципах демократии, когда органы власти выбираются и все важные решения принимаются путём свободного и честного голосования народа. За кого проголосовало большинство, тот, значит, более достоин решать общественные вопросы. На все должности люди будут избираться на короткий срок (не более двух-трёх лет), после чего голосование будет проводиться вновь. Таким образом у народа всегда будет возможность выбирать того, кого он считает наиболее достойным той или иной должности. При этом большая часть населения сможет спокойно заняться своими основными делами: трудом, увлечениями, семейными заботами. А вопросы общественной значимости она делегирует своим представителям в органах управления. Нам с вами не придётся по каждому маломальскому поводу собираться на длительные заседания подобно сегодняшнему, – Дориан сделал паузу и, горько усмехнувшись, добавил, – Даже если вы захотите кого-то осудить, то для этого будут существовать специальные службы. Естественно, они будут действовать в рамках законов, принятых теми самыми органами, избираемыми народом. Таким образом народ, стоя у истоков власти и управления, будет тем самым контролировать все государственные органы и процессы. Государство будет не диктатором над людьми, а выражением их воли!

На трибунах вновь поднялся шум. Кто-то выражал явное возмущение и несогласие со словами революционера, кто-то говорил, что в речах вольнодумца есть рациональное зерно, но в целом, конечно же, они далеки от реальности. Самое интересное, что теперь многие из присутствующих уже не направляли свои эмоции в сторону Дориана, а начинали спорить друг с другом, обсуждая его высказывания.

Галиму вновь пришлось встать, чтобы успокоить собравшихся (правда, теперь это удалось сделать уже не так быстро и легко) и ответить на пламенную речь бунтаря.

– Дориан, демократическая модель общественного устройства несовершенна, к такому выводу пришли многие исследователи и философы, да и мы, чего скрывать, видим это. Мнение большинства не всегда означает, что оно единственно верное. При этом демократия создаёт почву для раскола общества и усиления противоречий в нём, ведь она просто отмахивается от меньшинства, не пытаясь найти компромисс и решение, которое могло бы устроить всех. Наше анархическое общество напротив пытается услышать мнение каждого человека и путём диалога двигаться в ту сторону, куда хотят идти все.

При этих словах многие на трибунах одобрительно загалдели.

Дориан же, продолжая ухмыляться, сказал:

– Больше полугода назад был поднят вопрос о строительстве новой дороги, необходимость которой диктуется развитием нашего города и его экономических связей. Все мы согласны с тем, что дорога должна быть проложена. Однако, как вы знаете, вопрос упёрся в то, что оптимальный её маршрут должен проходить через северные городские окраины. Жители нескольких домов не согласны с таким решением и предлагают сдвинуть дорогу дальше, в холмистую местность за городом, что явно усложнит строительство и ставит под вопрос его рациональность. Сколько уже собраний было проведено на эту тему? Что-то было решено? Прокладка дороги, необходимой всем горожанам, началась?! Вот она ваша хваленая анархия. Выслушивая мнение каждого и пытаясь угодить всем, вы заходите в тупик по некоторым важным общественным вопросам, которые определяют судьбу города и его будущих поколений. И сам ваш анархизм уже заходит в тупик, только вы боитесь признаться в этом или ещё не до конца это осознали!

На трибунах вновь поднялся гвалт. В это время я заметил, что несчастная мать Дориана уже рыдала во весь голос, не в силах больше сдерживаться. Отец сидел с каменным выражением лица, смотря в одну точку себе под ноги.

А атмосфера собрания продолжала накаляться. Речь Дориана спровоцировала людей на новые перепалки: жители тех самых северных окраин вновь подняли голос в свою защиту, на что часть горожан, которым надоело их упрямство, стали высказывать всё, что о них думают.

Дориан ухмылялся, надменно глядя на шумную толпу земляков. Видимо, он считал, что происходящее доказывает правдивость его слов.

Галим хотел было приподняться и вновь взять слово, но кто-то из старейшин одёрнул его, после чего все они принялись что-то обсуждать между собой. Ситуация явно начинала принимать неоднозначный оборот, и им нужно было поворачивать собрание в другое русло.

После короткого совещания несколько старейшин поднялись со своих мест, обернулись к трибунам, призвав людей к спокойствию, и затем снова встали лицом к дерзкому бунтарю. Слово вновь взял Галим:

– Дориан, мы очень надеялись, что сегодня услышим от тебя слова раскаяния и готовность трудом на благо родного города смыть с себя пятно тех поступков, которые ты совершил и которые планировал совершить, готовность вновь стать членом нашего свободного общества. Но вместо этого мы увидели, что ты намерен и дальше сеять смятение в душах своих земляков, пытаться подтолкнуть их на путь ложных идеалов, ошибочность которых, увы, ты не видишь или не хочешь видеть.

Галим повернулся к собравшимся на трибунах, обвёл их взглядом и произнёс:

– Горожане! Выносятся вопрос об изгнании Дориана из города с предоставлением ему дома, с запретом приближаться к городу ближе, чем на десять километров, а также уезжать в любую другую сторону на то же расстояние, с запретом иметь оружие и организовывать собрания, с запретом управлять транспортом без разрешения города. Также предлагается разместить рядом с его домом надпись о том, кто он такой и почему там проживает, а также обо всех правилах и запретах, которые к нему относятся. Кроме того, видится уместным известить о нашем решении жителей соседних городов и поселений, чтобы они имели о Дориане достоверное представление. Первоначальным сроком изгнания Дориана предлагается определить время в течение двух лет. После этого может быть рассмотрен вопрос о разрешении ему вернуться обратно в город, в том числе исходя из его поведения и из общения с ним на предмет его взглядов.

Старейшина сделал небольшую паузу и сказал:

– Если кто-то имеет возражения, высказывайтесь, пожалуйста! Если высказываний не будет, то решение считается принятым.

Раздалось несколько выкриков типа «Да тут и думать нечего!», «Конечно, гнать его из нашего города!». Но подавляющее большинство людей молчало. Кто-то из собравшихся сидел с лицом, выражающим жажду наказания и уверенность в справедливости такого решения. Кто-то робко озирался по сторонам и, даже если и думал что-то возразить, не решался на это, не чувствуя поддержки окружающих. Пожалуй, только мать Дориана выделялась на общем фоне: она продолжала безудержно плакать.

Галим несколько раз обвёл взглядом трибуны, переглянулся с остальными старейшинами и, как будто от недостатка уверенности взяв короткую паузу, наконец произнёс:

– Решение принято!

Кто-то на трибунах даже захлопал, кто-то злорадно заулюлюкал. Но на лицах большинства сидевших вокруг меня я прочитал печаль и задумчивость.

Галим повернулся к юноше, стоящему посреди площади.

– Дориан, ты сам слышал, что решили твои земляки. Как видишь, вот оно – торжество анархии: непростое решение принято единогласно.

– Торжество толпы! – заорал парень, наверное впервые за всё время собрания потеряв непоколебимый вид и позволив себе сполна проявить эмоции, – Половина дураков, половина трусов! Время ещё покажет, что будущее за нашими идеями!

Некоторые люди на трибунах уже повставали со своих мест, готовясь покинуть амфитеатр. Похоже, что на многих, как бы они не относились к принятому решению, атмосфера собрания произвела удручающее впечатление, и они спешили уйти из этого места. Кто-то отреагировал на яростные выкрики Дориана фразами типа «Да заткнись ты уже», но, повторюсь, большинство людей выглядели задумчивыми и уставшими.

Несколько секунд оглядевшись вокруг, я кивнул сидящим рядом товарищам в знак того, что нам тоже пора уходить. Мы встали и влились в поток людей, покидавших трибуны. С разных сторон можно было услышать обсуждения тем, которые Дориан поднял сегодня в своих речах. И что-то подсказывало мне, что чем дальше горожане будут уходить от амфитеатра, разбиваясь на компании, идя домой или направляясь в трактиры, тем больше будет этих обсуждений.

Я был уверен, что в этот вечер Дориан одержал маленькую победу, одну из тех, которые в будущем сложатся в большой триумф наших идей. И эту победу он одержал словом. Так что спрятанные под нашими одеждами пистолеты были сегодня ни к чему, на первый план вышло оружие совсем иного характера. А ими мы ещё успеем воспользоваться в другой раз.

Естественно, не впятером планировалось осуществление дерзкого замысла, о котором узнала городская общественность. Соратники Дориана были разбиты на несколько групп под предводительством того или иного человека. С каждой группой главарь мятежа контактировал отдельно, вплетая её в свой план. То есть участники одной революционной ячейки ничего не знали о составе других ячеек. Таким образом в случае провала одной группы или предательства кого-то из числа заговорщиков, это не ставило под удар всю организацию целиком.

Дориан был очень умён, горяч и увлечён капиталистическими идеями. Он всем был хорош, кроме одного – слишком молод, чтобы подкрепить революционный огонь в глазах расчётливостью и хладнокровием зрелого человека. Учитывая его ораторские способности, он просто обязан был стать голосом нашего движения. Взять под контроль город – это неплохой результат. Но по-настоящему добиться претворения в жизнь наших замыслов мы могли лишь в том случае, если возьмём под контроль сознание горожан или хотя бы посеём в нём ростки сомнения в правильности сегодняшнего положения вещей. Но как можно было предоставить Дориану трибуну для выступления перед огромным числом людей, да ещё и так, чтобы ему позволили сполна донести все основные тезисы, не прервав раньше времени его возмутительную по меркам большинства горожан речь? И предводитель бунта понял, что наши земляки сами будут готовы выслушать такого оратора, ещё и наверняка захотев задать ему уточняющие вопросы.

Для этого было нужно, чтобы Дориан в качестве провинившегося попал на городское собрание. А характер его проступка должен был быть таким, чтобы по-настоящему взбудоражить всех горожан и привлечь их на трибуны амфитеатра в огромном количестве. Таким образом ячейка, в которую входил Дориан, преследовала одну единственную цель – попадание своего лидера на это собрание. Один человек отвечал за то, чтобы вовремя разыграть из себя предателя и дать городской общественности информацию, заранее подготовленную нами. Другие вместе с Дорианом должны были изобразить сопротивление, когда их попытаются спасти. Двое скрылись, потому что заранее готовились к визиту городских дружинников, один, видимо, сопротивлялся настолько рьяно и убедительно, что получил ранение. Сам Дориан при любом раскладе должен был попасть в руки горожан, потому что это и было целью разыгрываемого перед ними спектакля.

Из уроков истории я помнил, что тот, кто именовался правителем того или иного древнего государства, не всегда являлся лицом, фактически управлявшим страной. Он был сво-

его рода ширмой, красивой обёрткой в глазах подданных, под прикрытием которой истинный властитель мог спокойно вести свою политику, не привлекая к себе излишнего внимания. Для жителей нашего города Дориан стал тем самым ярким предводителем в революционном движении, и они даже не догадывались о том, что вдохновитель мятежа находится среди них, имеет внушительную армию соратников и продолжает пошагово претворять свой план в жизнь.

Этого вдохновителя, то есть меня, звали Дюк. Я знал, как и сам Дориан, что сегодняшнему яростному оратору придётся провести немало времени в своей ссылке, пока мы будем вести агитацию и вербовать новых соратников.

Уже через пару дней горожане найдут на улицах города листовки с надписью «А что, если Дориан прав?». Я предвкушал, какой это произведёт эффект. Очередная волна возмущения и споров, очередной поток той самой воды, которая медленно, но верно, способна сточить самый твёрдый и непоколебимый камень. Считающие себя очень умными старейшины скажут, что это чья-то глупая шутка или провокация кого-то из непойманных соратников Дориана, и призовут людей не обращать на листовки внимание. Но чем больше будет таких акций и одной и той же невнятной реакции на них со стороны старейшин, тем больше смуты будет зарождаться в головах общественности. И когда за агитацией последуют более решительные действия, я уверен, позиция многих горожан будет уже не столь отрицательно-категоричной...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.